

Никога не поздно казать «Люблю!»

Николае СПАРКС

Свадьба

Николас Спаркс
Свадьба
Серия «Романтика любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17069589
Спаркс, Николас. Свадьба : [роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-084948-2

Аннотация

Любовь в браке медленно умирает, сменяясь привычкой?

Так бывает, увы, очень часто. Но разве это нельзя изменить?!

Уилсон Льюис вынужден признать – его супруга Джейн больше не чувствует себя счастливой. С каждым днем она все больше страдает без романтики, без ярких проявлений подлинного чувства. Она хочет любви.

Не комфорта, спокойствия, добрых семейных отношений – а именно любви, безумной и нежной, как в те времена, когда Джейн только познакомилась с будущим мужем...

Уилсон понимает: ему придется опять покорить сердце собственной жены и помочь ей заново испытать радости, наслаждения и тревоги настоящей страсти...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николас Спаркс

Свадьба

Посвящается Кэти, которая сделала меня счастливейшим человеком на свете в тот день, когда согласилась стать моей женой

Nicholas Sparks

THE WEDDING

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Park Literary Group LLC и Andrew Nurnberg.

© Nicholas Sparks, 2003

© Перевод. В. Сергеева, 2009

Пролог

Интересно, может ли человек измениться? Или же характер и привычки – это непреодолимые преграды?

Сейчас середина октября 2003 года. Я пытаюсь найти ответы, наблюдая за тем, как мотылек мечется вокруг фонаря на крыльце. Джейн, моя жена, спит наверху. Она не увидела, как я выскользнул из спальни. Уже поздно, далеко за полночь, воздух морозный – предвестие ранней зимы. На мне толстый халат, я надеялся, что он достаточно теплый, но теперь замечаю, что руки у меня дрожат.

На небе звезды словно брызги серебряной краски на черном холсте. Я различаю Орион и Плеяды, Большую Медведицу и Северную Корону и изрядно вдохновляюсь при мысли о том, что я не просто люблю звезды, а мысленно переносюсь в прошлое. Созвездия мерцают так же, что и тысячи лет назад, и я жду, что вот-вот на меня снизойдет нечто, например, слова, которыми поэт мог бы объяснить тайны мира. Но ничего не происходит.

И неудивительно. Я никогда не отличался сентиментальностью, уверен, жена это подтвердит. Я не пускаю слезу в кино или над книгой, редко мечтаю, а если когда-либо и жаждал власти, то в соответствии с законом и нормами права. По большей части моя жизнь – жизнь юриста, специализирующегося на завещаниях, – прошла в общении с людьми, которые старательно готовятся к смерти. Вероятно, некоторые скажут, что мое собственное существование вряд ли преисполнено большого смысла. Но даже если они правы, что поделаться? Я не ищу себе оправданий и никогда не искал; надеюсь, вы посмотрите сквозь пальцы на эту причуду, если дочитаете книгу до конца.

Пожалуйста, поймите меня правильно. Может быть, я и не сентиментален, но отнюдь не лишен чувств, и порой меня внезапно охватывает ощущение чуда. Например, я нахожу до странности трогательными самые обыкновенные вещи – гигантские секвойи в Сьерра-Неваде или волны, с шумом разбивающиеся о мыс Гаттерас и выбрасывающие тучи брызг. На минувшей неделе у меня перехватило дыхание, когда маленький мальчик, шагая рядом с отцом по тротуару, взял того за руку. Иногда я способен забыть о ходе времени, глядя на небо, затянутое облаками, или прислушиваясь к раскатам грома. Я всегда подхожу к окну, чтобы увидеть молнию. Когда ослепительная вспышка освещает все вокруг, каждый раз меня переполняет смутная тоска. И я не в силах объяснить, чего именно мне недостает в такие моменты.

Меня зовут Уилсон Льюис, и я хочу поделиться с вами историей о свадьбе и браке. Несмотря на то что мы с Джейн прожили вместе тридцать лет, следует признать: другим наверняка известно о семейной жизни больше, чем мне. Если кто-нибудь спросит у меня совета, то вряд ли извлечет из него много пользы. Честно говоря, в браке я был эгоистичен, упрям и невежествен, как осел, и теперь мне больно это осознавать. И, оглядываясь назад, я понимаю: одно достоинство у меня все-таки есть – на протяжении тридцати лет я не переставал любить Джейн. Возможно, кто-нибудь скажет, что это само собой разумеется, но учтите: было время, когда я сомневался во взаимности своей любви.

Разумеется, все пары переживают взлеты и падения. Наверное, такова естественная природа людей, принявших решение быть вместе. За время нашей с Джейн жизни я потерял обоих родителей, она – мать, а потом ее отец тяжело заболел. Мы четырежды переезжали, и, хотя моя карьера складывалась успешно, мне пришлось многим жертвовать, чтобы удержаться на плаву. У нас трое замечательных детей, и мы не променяли бы это счастье на все сокровища Тутанхамона. Но должен признаться, бессонные ночи и регулярные визиты в клинику были нелегким, порой чрезмерным испытанием.

Подобные события чреваты стрессами, а когда двое людей живут бок о бок, они неизбежно выплескивают свои эмоции друг на друга. Насколько я могу судить, это одновременно благословение и проклятие брака. С одной стороны, у вас есть отдушина, с другой – в роли отдушины выступает близкий человек.

Почему я об этом заговорил? Я лишь хочу подчеркнуть: за эти годы я ни разу не усомнился в сильных чувствах к Джейн. Конечно, бывали дни, когда поутру за столом мы избегали встречаться взглядами, и все же я никогда не сомневался в своей любви. Порой я задумывался о том, как бы сложилась моя жизнь, если бы я женился на другой, но за все время, проведенное вместе, ни разу не пожалел о сделанном выборе. Мне казалось, наш брак устоялся окончательно, но вдруг я понял, что ошибаюсь. Это произошло около года назад, если быть точным, четырнадцать месяцев назад.

Что же случилось? – спросите вы.

Наверное, вы решите, что у меня начался кризис среднего возраста, под влиянием которого я либо завел любовницу, либо внезапно возжелал изменить свою жизнь. Ни то, ни другое. На самом деле мой проступок незначителен и при других обстоятельствах со временем вполне мог бы стать темой для забавного анекдота. Но он причинил боль Джейн и детям, и именно с этого момента я поведаю свой рассказ.

Это было 23 августа 2002 года. Я проснулся, позавтракал и провел день в офисе, как всегда. Честно говоря, я помню лишь, что ничего из ряда вон выходящего на работе не случилось. В обычное время я вернулся домой и был приятно удивлен, увидев, как Джейн готовит мое любимое блюдо. Когда она обернулась, чтобы поздороваться, мне показалось, жена ожидала увидеть в моих руках нечто иное, но точно не портфель. Часом позже мы сели ужинать, а потом, пока она убирала со стола, я ушел в кабинет, достал из портфеля бумаги и принялся их просматривать. Дочитав до конца первую страницу, я увидел, что Джейн стоит на пороге. Она вытирала руки кухонным полотенцем, и на ее лице отражалось разочарование, которое с течением времени я по крайней мере научился если не предупреждать, то распознавать.

– Ты ничего не хочешь сказать? – спросила она.

Я задумался, догадавшись, что за спокойным тоном кроется нечто большее. Возможно, Джейн намекала, что сделала новую прическу. Я присмотрелся, но ее волосы были уложены точь-в-точь как обычно. Много лет я учился замечать подобные нюансы. Мы не отрываясь смотрели друг на друга, и я понимал: надо прервать молчание.

– Как прошел день? – наконец поинтересовался я.

Джейн слегка улыбнулась в ответ и вышла.

Теперь я, конечно, знаю, чего она ждала, но тогда просто выкинул это из головы и снова взялся за работу, помянув про себя пресловутую женскую загадочность.

Вечером я едва успел лечь и устроиться поудобнее, как услышал прерывистый вздох. Джейн лежала, повернувшись ко мне спиной. По тому, как дрожали ее плечи, я тут же догадался, что жена плачет. Испуганный, я ожидал объяснений, но вместо этого Джейн вновь прерывисто задышала, как будто сдерживая рыдания. Мое горло инстинктивно сжалось, я ощутил возрастающий страх. Я старался не паниковать, не думать о том, что с ее отцом или с детьми беда или врач сообщил ей скверные новости... И мне не под силу помочь. Я коснулся ее плеча в надежде, что это каким-то образом утешит Джейн.

– Что случилось? – нежно спросил я.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джейн ответила. Она вздохнула и натянула одеяло на плечи.

– С годовщиной тебя, – прошептала она.

Двадцать девять лет назад мы поженились. Я слишком поздно об этом вспомнил и заметил в углу комнаты подарки, которые Джейн купила для меня, красиво завернула и сложила на комод.

Как просто. Я забыл об этом.

Я не пытаюсь найти оправдания. Что толку? Конечно, я попросил у нее прощения и извинился еще раз, утром, и в третий раз, вечером, когда преподнес Джейн духи в качестве подарка. Она улыбнулась, поблагодарила меня и похлопала по колену.

Сидя рядом с ней на кушетке, я осознавал, что люблю ее так же сильно, как и в день нашей свадьбы. Но потом, вероятно, впервые, я заметил печальный рассеянный взгляд Джейн и внезапно задумался: а любит ли она меня по-прежнему?

Глава 1

Невыносимо думать о том, что твоя жена, возможно, тебя не любит. Джейн унесла духи к себе, а я несколько часов провел на кушетке, гадая, чем все это может обернуться. Мне очень хотелось верить, что Джейн просто дала волю эмоциям и что я уделяю случившемуся больше внимания, нежели оно заслуживает. Но чем дольше я об этом думал, тем сильнее ощущал не только ее недовольство забывчивым супругом, но и какую-то застарелую меланхолию – как будто мой промах стал последней каплей в длинной череде ошибок.

Неужели наш брак разочаровал Джейн? Я понял это по выражению ее лица и принялся размышлять, что ждет нас в будущем. Может быть, Джейн задается вопросом, жить ли со мной и дальше. Не сожалеет ли она о том, что некогда вышла за меня замуж? Надо признать, мне нелегко давались рассуждения на подобные темы (а выводы вообще пугали), поскольку до нынешнего дня я предполагал, что Джейн столь же довольна мной, как и я ею.

Почему наши чувства изменились?

Наверное, многие сочли бы нашу жизнь заурядной. Как и большинство мужчин, я взял на себя обязанность содержать семью и целенаправленно делал карьеру. В течение тридцати лет я работал в юридической фирме «Эмбри, Саксон и Тандл» в Нью-Берне, и моих доходов (если разумно тратить деньги) вполне хватало. Думаю, нашу семью можно было назвать состоятельной. По выходным я с удовольствием играл в гольф и возился в саду, слушал классическую музыку и каждое утро читал газету. Джейн работала учительницей в начальной школе, но после замужества всецело посвятила себя воспитанию троих детей. Она занималась хозяйством, и самая ее большая гордость – это тщательно составленные фотоальбомы, раскрывающие историю нашей жизни. Мы живем в собственном доме, в гараже стоят две машины, даже фонтанчик в саду. Я – член клуба «Ротари»¹ и торговой палаты. За годы семейной жизни мы накопили достаточную сумму, чтобы спокойно уйти на пенсию, выстроили на заднем дворе деревянные качели, на которых теперь некому качаться, посетили десятки родительских собраний, регулярно участвовали в выборах и каждое воскресенье жертвовали в фонд епископальной церкви. Сейчас мне пятьдесят шесть, я на три года старше Джейн.

Невзирая на любовь к жене, иногда я думаю, что мы не подходим друг другу. Мы совершенно разные, и, хотя противоположности притягиваются, я чувствую, что мне повезло больше, чем Джейн. Я бы хотел стать таким человеком, как Джейн. Мое кредо – «Стоицизм и логика», а Джейн добрая и отзывчивая, у нее природная способность к сопереживанию, благодаря чему все ее так любят. Она часто смеется и легко заводит друзей. С течением времени я начал понимать, что изрядная доля моих приятелей – это фактически мужья подруг Джейн, но, наверное, так оно и бывает у большинства семейных пар нашего возраста. Впрочем, я благодарен жене: она выбирает себе друзей, неизменно памятуя обо мне, поэтому на вечеринках я не страдаю от одиночества. Если бы в моей жизни не было Джейн, возможно, я бы превратился в отшельника.

И еще меня очаровывает то, что Джейн выражает свои эмоции с детской непосредственностью. Если ей грустно, она плачет, если радостно – смеется, и, кроме того, Джейн обожает сюрпризы. В эти минуты она очаровательна, одни лишь воспоминания о каком-нибудь давнем сюрпризе способны пробудить в Джейн прежнее волнение. Иногда, когда жена дремлет, я спрашиваю, о чем она думает, и Джейн мечтательно вспоминает что-нибудь, о чем я давно забыл. И эта ее черта не перестает меня восхищать.

¹ «Ротари» – международный клуб для бизнесменов и представителей свободных профессий; каждая профессия представлена в клубе одним членом. Основан в США в 1905 г. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Джейн обладает на диво нежным сердцем, но она во многом сильнее, чем я. Ее ценности и упования, как и у большинства южанок, в основе своей имеют веру в Бога и семью, она видит мир лишь в черно-белых тонах и делит его исключительно на добро и зло. Трудные решения жена принимает мгновенно и почти всегда оказывается права, тогда как я, наоборот, начинаю взвешивать бесчисленные варианты и предугадывать собственные действия. В отличие от меня Джейн редко задумывается о том, что скажут другие, – это признак уверенности, которой так недостает мне. В этом я завидую жене.

Видимо, наши различия коренятся в воспитании. Джейн выросла в маленьком городке, она была младшей из четырех детей, и родители ее обожали. А я вырос в Вашингтоне в семье адвокатов, и мои родители редко появлялись дома раньше семи часов вечера. В итоге почти все свободное время я проводил в одиночестве – и до сих пор лучше всего чувствую себя в тишине кабинета.

Как я уже упоминал, у нас трое детей, и, хотя моя любовь к ним безгранична, они принадлежат Джейн. Она выносила их и воспитала; с ней они чувствуют себя гораздо уютнее. Иногда я жалею о том, что мало общался с ними, а затем утешаюсь мыслью, что Джейн вполне компенсировала им мое отсутствие. Теперь дети выросли и живут собственной жизнью. Сын переехал в другой штат, и мы считаем, что нам повезло, так как обе дочери регулярно нас навещают. Джейн заботливо держит в холодильнике любимые лакомства девочек на тот случай, если они проголодаются. Когда они приезжают, то болтают с матерью часами.

Старшей, Анне, двадцать семь. Она брюнетка с карими глазами, и ее внешность идеально соответствует характеру. В детстве она была мрачной и задумчивой – проводила целые дни, запершись в комнате, слушала музыку и писала дневник. Тогда она казалась мне совсем чужой; я неделями не слышал от нее ни единого слова и ломал голову над тем, чем вызвано такое отношение. Со мной она общалась лишь вздохами и кивками, а если я спрашивал, все ли в порядке, Анна смотрела на меня как на безумца. Впрочем, Джейн, кажется, не видела в этом ничего странного и считала, что Анна проходит типичную для девочки фазу развития, но дочь по крайней мере с ней общалась. Иногда, проходя мимо ее комнаты, я слышал, как Анна и Джейн шепчутся, но если они догадывались о моем присутствии за дверью, то немедленно замолкали. Позже, когда я спрашивал, о чем шла речь, Джейн пожимала плечами и отмахивалась, как будто их единственной целью было держать меня в неведении.

И все же Анна оставалась моей любимицей, потому что была первенцем. Видимо, она и сама это сознавала. Со временем я начал понимать, что даже в отрочестве она любила меня сильнее, чем мне представлялось. Я прекрасно помню, как Анна проскальзывала в кабинет, пока я возился с документами, и принималась бродить по комнате и рассматривать корешки книг, но стоило ее окликнуть, и она исчезала столь же тихо, как и появлялась. В итоге я научился не беспокоить дочь, поэтому иногда она проводила в кабинете целый час, наблюдая за тем, как я работаю. Если я смотрел на нее, она заговорщицки улыбалась и явно наслаждалась игрой. Теперь, как и прежде, я не всегда ее понимаю, но те моменты навечно запечатлелись в памяти.

Сейчас Анна работает в «Роли ньюс», но, кажется, мечтает стать писателем. В колледже она активно сочиняла, и все ее истории были такими же мрачными, как она сама. Помнится, я читал одну повесть, героиня которой, молодая девушка, становится проституткой, чтобы содержать больного отца, некогда изнасиловавшего ее. Добравшись до конца, я задумался о том, какой же вывод мне надлежит сделать.

Еще Анна безумно влюблена. Моя дочь, всегда крайне осмотрительная в вопросах выбора, становится стократ осторожнее, когда дело касается мужчин. Слава Богу, Кит прекрасно с ней ладит. Он – будущий ортопед и держится с уверенностью человека, знающего, почем фунт лиха. Джейн рассказала мне, что на первом свидании Кит и Анна отправились кататься на дельтаплане. Когда дочь привела его к нам знакомиться, он появился в спортив-

ном пиджаке, чисто выбритый и пахнувший одеколоном. Мы пожали друг другу руки, Кит взглянул мне в глаза и сказал: «Я очень рад встрече с вами, мистер Льюис».

Джозеф на год младше Анны. Он всегда зовет меня отец, единственный из детей. И опять-таки у нас мало общего. Джозеф высок и строен, из одежды предпочитает джинсы, а когда гостит у нас на Рождество или День благодарения, то ест только овощи. В детстве он был тихим ребенком, но, как и у Анны, его сдержанность, судя по всему, распространялась исключительно на меня. Окружающие хвалили его чувство юмора, но, если честно, я редко замечал у Джозефа это качество. Мне частенько казалось, что сын пытается произвести на меня впечатление.

Как и Джейн, еще в раннем детстве он отличался чуткостью. От волнения Джозеф грыз ногти, так что начиная с пяти лет они у него постоянно были обкусаны до мяса. Разумеется, когда я предложил ему заняться изучением экономики, он проигнорировал мой совет и выбрал социологию. Теперь Джозеф работает в нью-йоркском приюте для женщин, подвергшихся дурному обращению. Он почти не рассказывает о своих делах. Наверное, он точно так же удивляется мне, как и я ему; и все-таки, несмотря на все различия, именно с Джозефом мы ведем те самые разговоры, о которых я так мечтал, когда дети были маленькими. Он очень умен и с отличием окончил колледж, у него широкий спектр интересов – от проблем дискриминации на Ближнем Востоке до фрактальной геометрии. Джозеф потрясающе честен, иногда до абсурда, и, естественно, все эти черты ставят меня в невыгодное положение, когда дело доходит до споров. Пусть иногда меня раздражает его упрямство, но в такие минуты я особенно горжусь тем, что Джозеф – мой сын.

Лесли, наша младшая, с упорством изучает в Уэйк-Форест биологию и физиологию, она мечтает стать ветеринаром. Вместо того чтобы проводить летние каникулы дома по примеру других студентов, она занимается дополнительно, надеясь получить диплом раньше срока, а по вечерам работает на ферме. Из всех троих она самая общительная и смеется точь-в-точь как Джейн. В детстве она тоже любила бывать в моем кабинете, но в отличие от Анны бурно радовалась, когда я уделял ей максимум внимания. Ребенком она с удовольствием сидела у меня на коленях и тянула за уши, став постарше, забредала в кабинет и рассказывала анекдоты. Мои полки завалены подарками от Лесли – глиняными поделками, которые она сама сделала, карандашными набросками, оригами. Лесли всегда была открыта для любви – она первой неслась обнимать и целовать бабушку с дедушкой и охотно смотрела романтические фильмы, свернувшись на кушетке. Неудивительно, что три года назад на встрече выпускников ее провозгласили королевой.

Лесли тоже очень добра. На день рождения она неизменно приглашала весь класс из опасения ранить чьи-либо чувства, а в девять лет однажды целый вечер бродила по пляжу, потому что нашла в воде часы и вознамерилась вернуть их владельцу. Из всех детей она причиняла мне меньше всего тревог; когда Лесли приезжает в гости, я бросаю все дела, чтобы провести с ней время. Ее энергия заразительна, когда мы вместе, я искренне удивляюсь своему счастью.

После отъезда детей дом изменился. Раньше в нем гремела музыка, а сейчас царит тишина, прежде кладовка была набита восемью видами сладких хлопьев, а сейчас можно обнаружить один-единственный. Мебель в детских комнатах осталась прежней, но теперь не сразу определишь, где чья спальня, потому что со стен исчезли плакаты и фотографии. В доме, где некогда нам так уютно жилось впятером, стало пусто, и эта зловещая пустота напоминала о том, какой на самом деле должна быть жизнь. Поначалу я полагал, что именно разлука с детьми повлияла на чувства Джейн.

И все же, невзирая на причину, я не мог отрицать, что мы отдаляемся друг от друга. Чем больше я думал об этом, тем чаще замечал, что трещина между нами становится все шире. Когда-то мы были влюбленной парочкой, потом стали родителями (нормальное и даже неиз-

бежное явление, на мой взгляд), но спустя двадцать девять лет как будто вновь превратились в посторонних. Похоже, вместе нас удерживала лишь привычка. Мы мало соприкасались: вставали в разное время, проводили день в разных местах, а по вечерам предавались разным развлечениям. Я немного знал о делах Джейн и почти не рассказывал ей о своих. Даже не помню, когда мы в последний раз обсуждали что-нибудь экстраординарное.

Через две недели после годовщины, впрочем, такой разговор состоялся.

– Уилсон, нам надо поговорить, – сказала Джейн.

Я взглянул на нее. На столе между нами стояла бутылка вина, ужин был почти окончен.

– Да?

– Я хочу съездить в Нью-Йорк и погостить у Джозефа.

– Разве он не приедет на праздники?

– Я ведь собираюсь не на месяц. И потом, Джозеф не смог приехать летом. Я подумала, что ради разнообразия сама его навещу.

В глубине души я понимал, что уехать вдвоем на несколько дней – неплохая идея. Возможно, Джейн именно это и имела в виду; я с улыбкой взял бокал.

– Прекрасная мысль, – согласился я. – Мы не были в Нью-Йорке с тех пор, как Джозеф туда перебрался.

Джейн улыбнулась и опустила взгляд.

– И еще кое-что...

– Что?

– Ты ведь так занят, и я знаю, как тебе трудно куда-либо выбраться...

– Полагаю, что смогу выкроить пару дней, – сказал я, мысленно просматривая свое рабочее расписание. – Когда ты хочешь ехать?

– В том-то и дело...

– В чем?

– Уилсон, пожалуйста, выслушай, – произнесла Джейн и глубоко вздохнула, даже не стараясь скрыть усталость. – Мне бы хотелось погостить у Джозефа одной.

На мгновение я растерялся.

– Ты расстроен? – спросила она.

– Нет, – поспешно ответил я. – С чего бы мне расстраиваться? – Чтобы доказать свое спокойствие, я отрезал себе еще мяса. – Так когда ты собираешься ехать?

– На следующей неделе. В четверг.

– В четверг?

– Я уже взяла билет.

И хотя на тарелке у нее еще оставалась еда, Джейн встала и отправилась на кухню. Она избегала моего взгляда, и я заподозрил, что жена не договорила, но не знает, как бы сформулировать свою мысль. Я сидел за столом один, обернувшись, можно было увидеть в профиль лицо Джейн, стоящей около раковины.

– Надеюсь, ты хорошо проведешь время, – сказал я с напускной беззаботностью. – И Джозеф будет в восторге. Может быть, сходите в театр или еще куда-нибудь.

– Может быть, – отозвалась она. – Зависит от того, насколько он занят.

Джейн включила воду, и я понес свою тарелку в раковину. Жена молчала.

– Да, это отличные планы на выходные, – заметил я.

Она взяла тарелку и принялась ее мыть, а потом добавила:

– Да, кстати...

– Что?

– Я собираюсь остаться не только на выходные.

Я внезапно напрягся.

– А сколько же ты собираешься там пробыть?

Джейн поставила чистую тарелку на стол.
– Недели две.

Конечно, я не винил Джейн за то, что наш брак свернул с наезженной колеи. Я понимал, что по большей части сам тому виной, пусть даже еще и не осознавал, как и почему. Признаюсь, я никогда не был тем человеком, каким меня хотела видеть Джейн, даже в самом начале нашей семейной жизни. Она мечтала, чтобы я был чуть более романтичным – таким, как ее отец, Ной. Этот человек часами мог держать жену за руку или нарвать для нее букет полевых цветов по пути с работы домой. Их отношения очаровывали Джейн даже в детстве. Раз за разом я слышал, как она, болтая по телефону с сестрой, Кейт, удивлялась, отчего мне трудно быть романтичным. Не то чтобы я не пытался – просто, видимо, я понятия не имел, каким образом можно заставить ее сердце трепетать. В нашей семье как-то не принято было часто обниматься и целоваться, поэтому мне неловко выказывать эмоции в присутствии других, особенно детей. Однажды я заговорил об этом с тестем, и он посоветовал мне написать жене письмо. «Объясни, почему ты ее любишь», – предложил он. Это было двенадцать лет назад. Помнится, я попытался последовать его совету, но стоило занести ручку над бумагой, как из головы улетучились все подходящие случаю слова. В итоге я сдался. В отличие от Ноя я всегда испытывал смущение, когда речь заходила о чувствах. Я человек спокойный, надежный, верный, вне всякого сомнения. Но романтика для меня такая же тайна, как и переселение душ.

Просто удивительно, сколько мужчин мучится из-за таких же проблем.

Когда я позвонил в Нью-Йорк, к телефону подошел Джозеф.

– Привет, отец, – поздоровался он.

– Привет. Как дела?

– Ничего себе, – ответил он и после мучительно долгой паузы поинтересовался: – А у тебя?

Я переступил с ноги на ногу.

– Нормально. У нас здесь тихо. – Я помолчал. – Как там мама?

– Хорошо. Я ей скучать не даю.

– Покупки и экскурсии?

– Ну да. А в основном мы просто разговариваем. Я узнал много нового.

Я помедлил. Интересно, на что он намекает? Но Джозеф, видимо, не собирался развивать эту тему.

– Мама дома? – спросил я, изо всех сил стараясь говорить бодро.

– Нет, пошла в магазин. Вернется через пару минут, так что можешь перезвонить.

– Ничего страшного. Передай ей, что я звонил.

– Обязательно... – Джозеф сделал паузу. – Отец, я хотел кое о чем спросить.

– О чем?

– Ты действительно забыл про годовщину?

Я глубоко вздохнул:

– Да. Забыл.

– Как?

– Не знаю. Я все время помнил, а когда этот день настал, у меня просто вылетело из головы. Мне очень стыдно.

– Мама огорчилась, – сказал Джозеф.

– Несомненно.

На другом конце провода снова воцарилась тишина.

– Ты понимаешь почему? – наконец спросил сын.

Я не ответил, но прекрасно знал ответ.

Джейн не хотела, чтобы мы уподобились тем пожилым парам, которые неизменно пробуждали в нас сострадание. Такие люди обычно очень вежливы. Муж подвигает жене кресло и помогает снять пальто, жена заказывает любимое блюдо мужа. Они в точности знают вкусы и пристрастия друг друга (это достигается годами совместной жизни): яичницу не солить, а на тост намазать побольше масла.

Но потом, когда официант удаляется с заказом, оба не произносят ни слова. Они молча пьют и смотрят в окно в ожидании еды. Они могут еще обменяться парой слов с официантом – например, попросить кофе, – а затем немедленно погружаются в собственные мысли. В течение всего вечера они сидят, как посторонние, которые случайно оказались за одним столом. Создается впечатление, что наслаждаться обществом друг друга для них слишком большое усилие.

Может быть, это преувеличение, но порой я задумывался, что доводит людей до такой жизни.

И теперь, когда Джейн уехала в Нью-Йорк, меня вдруг посетила мысль о том, что мы, вероятно, катимся в ту же пропасть.

Встречая жену в аэропорту, я ощутил странное волнение. Это было неприятное чувство, и я с облегчением увидел мимолетную улыбку на лице Джейн, которая шла ко мне. Я забрал у нее чемодан и поинтересовался:

– Как поездка?

– Все хорошо, – улыbnулась Джейн. – Понятия не имею, отчего Джозефу так нравится Нью-Йорк. Там слишком шумно. Я бы не выдержала.

– Ты рада, что вернулась?

– Да. Только очень устала.

– Не сомневаюсь. Путешествия – это утомительно.

Мы помолчали. Я взял чемодан в другую руку.

– Как поживает Джозеф?

– Хорошо. Кажется, он слегка поправился с тех пор, как мы видели его в последний раз.

– Неужели в его жизни не происходит ничего необычного?

– В общем, нет, – ответила Джейн. – Он много работает. Такова уж его натура.

В ее голосе прозвучала непонятная грусть. Я задумался и тут же заметил юношу и девушку, которые обнимались и целовались с таким пылом, словно не виделись много лет.

– Хорошо, что ты снова дома, – сказал я.

Джейн взглянула на меня и перевела взгляд на багажный транспортер.

– Конечно.

Таково было положение дел год назад.

Хотелось бы мне сказать вам, что все наладилось сразу же после возвращения Джейн, но, увы, нет. Жизнь продолжалась, как и прежде, мы существовали сами по себе, один ничем не примечательный день сменялся другим. Джейн, в общем, не сердилась, но и счастливой не выглядела, а я понятия не имел, что предпринять для изменения неприятной ситуации. Как будто между нами незаметно выросла стена равнодушия и отчуждения. В конце осени, спустя три месяца после годовщины, я стал серьезно задумываться о будущем наших отношений. Я даже решил на разговор с тестем.

Если бы вы знали Ноя Кэлхоуна, то поняли бы, отчего я в тот день отправился к нему. Они с женой Элли перебрались в Крик-Сайд, в дом престарелых, одиннадцать лет назад, в сорок шестую годовщину брака. Я не удивился, не застав Ноя в комнате. Чаще всего, когда я его навещал, он сидел на скамейке у пруда. Я выглянул в окно, чтобы удостовериться.

Даже издалека я без труда его узнал – пряди седых волос, слегка развеваемые ветром, сутулые плечи, светло-синий свитер, который недавно связала для него Кейт. Ему было восемьдесят семь – вдовец с изуродованными артритом руками и слабым здоровьем. В кармане Ной носил пузырек с нитроглицерином и страдал от рака простаты, но куда сильнее врачей беспокоило его психическое состояние. Несколько лет назад они вызвали нас с Джейн и мрачно сообщили, что Ноя мучат галлюцинации. Я, впрочем, не особо поверил. Полагал, что знаю старика лучше, чем кто бы то ни было, и уж точно лучше, чем врачи. Не считая Джейн, Ной был моим самым близким другом; когда я увидел его одинокую фигуру, то немедленно вспомнил все, что ему пришлось пережить.

Его собственный брак завершился пять лет назад, хотя циники, наверное, скажут, что это произошло куда раньше. В последние годы жизни Элли страдала от болезни Альцгеймера, чертовски неприятного недуга. В конце концов, что представляют собой люди без воспоминаний и иллюзий? Наблюдать за течением болезни было все равно что смотреть фильм о неизбежной трагедии. Нам с женой приходилось нелегко, когда мы навещали родителей, Джейн хотела запомнить мать другой, какой она была прежде, и я никогда не принуждал ее ездить к ней чаще, потому что мне самому становилось больно. А Ною было тяжелее всех.

Но это уже другая история.

Выйдя из комнаты, я направился во двор. Утро выдалось прохладное, даже для ноября. Листья блестела в косых лучах солнца, в воздухе слабо пахло дымом. Это было любимое время года Элли, и я всем сердцем ощутил, как одинок Ной. По своему обыкновению, он кормил лебедя; я подошел и поставил пакет около скамейки. В нем лежали три буханки хлеба. Ной всегда просил привезти ему одно и то же.

– Здравствуйте, Ной, – сказал я.

Я понимал, что вполне могу называть его папа, как Джейн называла моего отца, но отчего-то мне было неловко, и Ной не настаивал.

Он обернулся при звуках моего голоса.

– Привет, Уилсон. Спасибо, что заглянул.

Я положил руку ему на плечо.

– Как поживаете?

– Могло быть и лучше. – Ной лукаво ухмыльнулся. – Хотя, впрочем, могло быть и хуже.

Именно этими фразами мы неизменно обменивались при встрече. Ной похлопал по скамье рядом с собой, я сел и взглянул на пруд. На его поверхности хаотично плавали опавшие листья, в воде отражалось безоблачное небо.

– Я хочу кое-что у вас спросить, – начал я разговор.

– Что? – Ной отломил кусок хлеба и бросил в воду. Лебедь быстро подцепил его клювом.

– Насчет Джейн, – добавил я.

– Джейн... – пробормотал он. – Как она поживает?

– Хорошо. – Я заерзал, почувствовав себя неуютно. – Она как-нибудь заглянет к вам.

В последние годы мы частенько навещали Ноя то вместе, то порознь. Интересно, о чем они говорили без меня.

– А дети?

– У них тоже все в порядке. Анна пишет статьи, Джозеф наконец нашел квартиру. Где-то в Куинсе, рядом с метро. Лесли отправилась на выходные в горы с друзьями. Она отлично сдала экзамены.

Ной кивнул, не спуская глаз с лебедя.

– Ты счастливчик, Уилсон, – сказал он. – Тебе повезло, что все они выросли прекрасными людьми.

– Конечно.

Мы помолчали. Если смотреть вблизи, морщинки на его лице напоминали ущелья, а сквозь истончившуюся кожу рук виднелись вены. В парке никого, кроме нас, не было. Холод загнал обитателей Крик-Сайда в дом.

– Я забыл про нашу годовщину, – вдруг сказал я.

– Э?

– Двадцать девять лет.

– Хм...

Было слышно, как шелестят на ветру сухие листья.

– Я беспокоюсь, – наконец признался я.

Ной внимательно посмотрел на меня. Сначала мне показалось, что сейчас он спросит о причинах беспокойства, но вместо этого старик прищурился, изучая мое лицо, а затем отвернулся, бросил лебедю еще кусок хлеба и заговорил. Голос у него был мягкий и низкий – старческий баритон с мягким южным акцентом.

– Помнишь, как я читал Элли, когда она заболела?

– Да, – ответил я, и на меня нахлынули воспоминания.

Ной читал жене отрывки из дневника, который он вел до того, как они перебрались в Крик-Сайд. Это была история их любви. Иногда, послушав мужа, Элли вдруг обретала ясность мысли, невзирая на разрушительное действие болезни. Увы, ненадолго – но в те редкие минуты улучшение было настолько несомненным, что в Крик-Сайд смотреть на чудо приезжали врачи из Чапел-Хилла. Чтение помогало Элли, вне всяких сомнений. Впрочем, специалисты так и не сумели выяснить почему.

– Ты знаешь, зачем я это делал? – спросил Ной.

– Наверное, это помогало Элли, – предположил я. – И потом, она ведь сама попросила вас.

– Да, конечно. – Ной сделал паузу. Воздух вырывался из его груди со свистом, точно из недр старого аккордеона. – Но не только. Я делал это и для себя. Мало кто понимал...

Ной замолк, но я сообразил, что он еще не закончил. Лебедь перестал описывать круги и подплыл ближе. Не считая черного пятнышка на груди размером с долларовую монету, он был цвета слоновой кости. Птица застыла на месте, когда Ной вновь заговорил:

– Знаешь, что я помню лучше всего?

Я понял, что он говорит о тех редких днях, когда Элли еще узнавала его, и покачал головой:

– Нет, не знаю.

– Как я влюбился. Вот что я помню. И когда ей становилось лучше, мы как будто начинали все сначала. – Ной улыбнулся. – Каждый раз, когда я читал Элли, то как будто вновь ухаживал за ней, и иногда она опять в меня влюблялась, совсем как много лет назад. Это самое удивительное чувство на свете. Всем ли выпадает такой шанс – влюбляться друг в друга снова и снова?

Он не ждал ответа, и я промолчал.

Мы провели вместе целый час, беседуя о детях и о здоровье. Ни слова более о Джейн и Элли. Разговор с Ноем заставил меня задуматься. Несмотря на тревоги врачей, Ной был в здравом уме. Он не только знал, что я непременно его навещу, но и угадал причину моего визита. В своей типично южной манере он подсказал мне решение проблемы еще до того, как я успел задать вопрос.

И тогда я понял, что следует сделать.

Глава 2

Я вновь начну ухаживать за Джейн.

Как просто, не правда ли? Что может быть легче? Тем более что в нынешнем положении вещей есть свои несомненные плюсы. Во-первых, мы с Джейн живем в одном доме, и после тридцати лет совместной жизни нет нужды начинать с самого начала. Обойдемся без разговоров о родственниках, без смешных историй о детстве, без взаимных расспросов и сравнений. Некоторые детали, о которых на ранней стадии отношений люди предпочитают умалчивать, нам уже давно известны. Джейн, например, знает, что я храплю, поэтому нет необходимости скрывать это от нее. С другой стороны, я видел жену во время болезни, и мне все равно, как выглядит ее прическа поутру.

Подытожив все это, я решил, что на этот раз завоевать сердце Джейн будет нетрудно. Нужно просто воссоздать то, что было между нами много лет назад. Так поступил Ной, когда принялся читать Элли свой дневник. Но постепенно я пришел к выводу, что никогда не догадаюсь, чем именно покорила Джейн. Я считал себя ответственным, но в годы моей юности женщины вряд ли находили эту черту характера особенно привлекательной. В конце концов, я был ребенком эпохи «беби-бума» и привык к тому, что мои прихоти удовлетворялись в первую очередь.

Мы с Джейн познакомились в 1971 году. Мне было двадцать четыре, я учился на втором курсе и очень серьезно относился к занятиям. Ни один сосед по комнате не выдерживал со мной более семестра, потому что я частенько засиживался над книгами за полночь. Большинство моих однокурсников рассматривали учебу как череду выходных, перемежаемых скучными лекциями, тогда как я считал колледж важным шагом в будущее.

Джейн была первой, кто назвал меня застенчивым. Мы познакомились субботним утром в кафе. Стоял ноябрь, и задания в середине семестра становились все труднее. Опасаясь отстать в учебе, я направился в кафе, чтобы позаниматься без помех.

Официантка, подошедшая принять у меня заказ, была Джейн. Даже теперь я прекрасно помню эту минуту. Темные волосы, собранные в хвост, выразительные шоколадно-карие глаза, контрастирующие с нежной молочно-розоватой кожей, ярко-синее платье с черным передником. Меня поразило, как просто она улыбнулась, словно благодаря за то, что я сел именно здесь. Когда она спросила про заказ, я услышал отчетливый певучий акцент уроженки Северной Каролины.

Тогда, конечно, я еще не знал, что в итоге мы вместе поужинаем, но на следующий день я снова пришел в кафе и сел за тот же столик. Она улыбнулась, и мне, безусловно, стало приятно от того, что девушка меня помнит. Эти визиты продолжались по выходным в течение месяца, мы ни разу не завязали разговор и даже не поинтересовались, кого как зовут, но вскоре я заметил, как путаются мысли, если темноволосяя официантка приближается к столику. Почему-то от нее пахло корицей.

Честно говоря, я с трудом находил общий язык с противоположным полом. В старших классах я не принадлежал к числу популярных учеников, которые занимались спортом или входили в школьный совет. Я увлекался шахматами и даже организовал клуб, который постепенно разросся до одиннадцати человек. К сожалению, все это были мальчишки. Невзирая на недостаток опыта, на первом курсе колледжа я несколько раз ходил на свидания и неплохо проводил время. Но поскольку твердо решил не завязывать серьезных отношений, не обеспечив себе материальной базы, мне так и не удалось близко познакомиться ни с одной из этих девушек. Они быстро улетучивались из моей жизни и памяти.

Но частенько и притом в самые неожиданные минуты я ловил себя на мысли о темноволосяй официантке. Неоднократно я задумывался о ней на лекции и воображал, как она

движется по аудитории в черном переднике, раздавая меню. Эти образы смущали меня и вставали передо мной вновь и вновь.

Понятия не имею, чем бы все закончилось, если бы Джейн не взяла инициативу в свои руки. Большую часть утра я провел над книгами в клубах сигаретного дыма, витавшего в кафе, когда вдруг хлынул дождь – холодный, с сильными порывами ветра, настоящий ураган, пришедший с гор. Я, разумеется, на всякий случай захватил с собой зонтик.

Когда официантка подошла к столику, я поднял взгляд, ожидая добавки кофе, но вместо этого увидел, что она сняла передник и распустила густые волосы. Они каскадом рассыпались по плечам.

– Вы не могли бы проводить меня до машины? – попросила она. – У вас ведь есть зонтик, а мне бы не хотелось вымокнуть.

Было невозможно ей отказать, поэтому я немедленно собрал учебники, и мы зашлепали по глубоким лужам. Девушка касалась меня плечом. Пока мы пересекали улицу под проливным дождем, она крикнула, что ее зовут Джейн и что она учится в женском колледже Мередит. Джейн изучала английский язык и литературу и после выпуска мечтала работать в школе. Я молчал и заботился лишь о том, чтобы она не промокла. Я думал, что она сразу же сядет в машину, как только мы до нее доберемся, но Джейн обернулась ко мне и сказала:

– А ты застенчивый.

Я не знал, что ответить, и, видимо, она разгадала выражение моего лица, потому что расхохоталась.

– Ничего страшного, Уилсон. Мне нравятся застенчивые.

Наверное, я должен был удивиться, откуда Джейн известно мое имя. Но я не удивился. Она стояла под проливным дождем, по ее лицу текла тушь, а я думал, что в жизни не встречал никого прекраснее.

Моя жена по-прежнему красива.

Конечно, ее красота с годами стала менее яркой. На нежной коже появились морщинки, бедра и живот слегка пополнели, но я все так же преисполняюсь вожделения, когда вижу, как она раздевается перед сном.

В последние годы мы нечасто занимались любовью, и нам, конечно, не доставало волнения и непосредственности, которыми мы так наслаждались в молодости. Но больше всего я скучал не по сексу как таковому. Я тосковал по давно забытому выражению желания в глазах Джейн, по прикосновению, по жесту, который дал бы понять, что она хочет меня так же сильно, как и я ее. Хоть что-нибудь. Я ждал от нее любого сигнала.

Но как, размышлял я, воскресить былое? Да, я понимал, что придется вновь ухаживать за Джейн, но это далеко не так просто, как кажется. Тот факт, что мы хорошо знаем друг друга, который должен был облегчить задачу, на самом деле только усложнил ее. Разговоры за столом оставались по-прежнему однообразными. В течение нескольких недель после визита к Ною я проводил долгие вечера в кабинете, изобретая новые темы для бесед, но они неизменно оказывались надуманными и быстро изживали себя. Мы возвращались к привычному разговору о детях и работе.

Я осознавал, что образ нашей жизни мало способствует оживлению страсти. В течение долгих лет мы порознь проводили день, исполняя свои по большей части различные обязанности. На заре семейной жизни я просиживал в офисе долгие часы, в том числе по вечерам и по выходным, для того, чтобы со временем сделаться достойным партнером. Из отпуска я всегда возвращался раньше срока. Возможно, я прикладывал слишком много усилий к тому, чтобы произвести впечатление на Эмбри и Саксона, но мне не хотелось надеяться на удачу, поскольку нужно было содержать увеличивающуюся семью. Теперь я понимаю, что погоня

за карьерой в сочетании с моей природной замкнутостью отдаляла меня от жены и детей. В собственном доме я был посторонним.

Пока я занимался делами, у Джейн хватало забот с детьми. По мере того как их потребности становились все более многочисленными, она превратилась в сплошной сгусток энергии, который носился по всему дому. Были годы, когда мы частенько ужинали порознь, и хотя иногда такой порядок вещей казался мне неправильным, я ничего не делал для того, чтобы его изменить.

Возможно, мы привыкли к подобному образу жизни, но как только дети перестали требовать нашего неусыпного внимания, мы оказались не в силах заполнить зияющую между нами пустоту. И, невзирая на все мои опасения и волнения, выбиться из наезженной колеи было все равно что прокопать ложкой туннель в гранитной стене.

Не то чтобы я не пытался. В январе, например, я купил поваренную книгу и начал регулярно готовить ужины по субботам. Надо сказать, что некоторые блюда выходили довольно оригинальными и вкусными. Помимо традиции играть в гольф, я трижды в неделю по утрам отправлялся на прогулку, надеясь немного сбросить вес. Несколько вечеров я даже провел в книжном магазине, в отделе психологических справочников, пытаюсь понять, что еще можно предпринять. Как, по словам экспертов, придать браку интерес? Главное, говорили они, – внимание, сочувствие, привязанность и влечение. Я решил, что в данных словах есть определенный смысл, и направил всю энергию на реализацию своего маленького плана. Теперь я проводил с Джейн больше времени по вечерам, вместо того чтобы сидеть в кабинете, чаще говорил ей комплименты. Когда она рассказывала о делах, я внимательно слушал и кивал в подходящие моменты, чтобы показать свой неподдельный интерес.

Я не питал никаких иллюзий по поводу того, что подобные средства волшебным образом вернут мне расположение жены, и не надеялся, что это произойдет быстро. Если на то, чтобы отдалиться друг от друга, у нас ушло двадцать девять лет, за несколько недель можно лишь попытаться заложить камень, означающий начало долгого пути. Пусть даже положение дел слегка улучшилось, процесс шел медленнее, чем хотелось бы. В конце весны я пришел к выводу, что в придачу к этим ежедневным усилиям необходимо сделать что-то еще. Нужно показать Джейн, что она по-прежнему – самое главное в моей жизни. Однажды вечером, когда я просматривал семейный альбом, меня посетила идея.

На следующее утро я проснулся, полный энергии и благих намерений. Я понимал, что план надлежит разработать втайне и очень тщательно, поэтому первым делом завел отдельный почтовый ящик. Впрочем, далеко я не продвинулся, потому что у Ноя случился удар.

Это был не первый удар в его жизни, но зато самый серьезный. Он пролежал в больнице почти полтора месяца, и внимание Джейн было полностью отдано ему. Она находилась в клинике целый день, а вечером выглядела слишком измученной и расстроенной для того, чтобы оценить мои усилия. В конце концов Ной вернулся в Крик-Сайд и снова принялся кормить лебедя на пруду, но, так или иначе, все мы поняли, что долго на этом свете он не протянет. Я провел много часов, утешая Джейн и тихонько вытирая ее слезы.

Из всего, что было сделано за прошедший год, лишь это она оценила по достоинству. Было ли причиной тому мое неизменное спокойствие, или же усилия последних месяцев наконец дали результат, но время от времени я начал замечать со стороны Джейн новые порывы нежности. Хотя это случалось нечасто, я от души ими наслаждался и надеялся, что наши отношения каким-то образом наладятся.

Слава Богу, Ной шел на поправку. В начале августа минул почти год с тех пор, как я забыл о годовщине. Благодаря регулярным прогулкам я сбросил около двадцати фунтов и обрел привычку ежедневно ходить на почту. Я трудился над своим замыслом, сидя на работе, чтобы сохранить тайну от Джейн. Вдобавок я решил взять двухнедельный отпуск в преддверии нашей тридцатой годовщины – самый длинный отпуск в моей жизни – и провести его с

женой. Учитывая то, что случилось год назад, мне хотелось, чтобы празднование грядущей годовщины запомнилось навсегда.

А потом, вечером в пятницу (за восемь дней до праздника), случилось то, чего мы с Джейн не забудем никогда.

Мы сидели в гостиной – я читал биографию Теодора Рузвельта, устроившись в своем любимом кресле, а Джейн листала каталог. Внезапно в дом влетела Анна. На тот момент она по-прежнему жила в Нью-Берне, но недавно заплатила первый взнос за квартиру в Роли и через пару недель собиралась туда переехать с Китом.

Невзирая на жару, Анна была одета в черное, в ушах у нее красовались по две серьги, а губная помада, на мой взгляд, могла бы быть и побледнее. К тому времени я уже привык к готическим предпочтениям дочери, но когда Анна села, вновь поразился, как она походит на Джейн. Анна покраснелась, скрестила руки на груди, словно пытаясь собраться с силами.

– Мама и папа, – объявила она, – я кое-что должна вам сказать.

Джейн отложила каталог. Видимо, по голосу Анны она поняла: случилось что-то серьезное. В последний раз, когда дочь вела себя таким же образом, она сообщила нам, что собирается жить с Китом.

Конечно, она взрослая, и я ничего тут не могу поделать.

– В чем дело, милая? – спросила Джейн.

Анна перевела взгляд с матери на меня, потом снова на нее и глубоко вздохнула.

– Я выхожу замуж, – ответила она.

Я начинаю подозревать, что дети существуют исключительно ради того, чтобы огорчивать своих родителей всяческими сюрпризами, и Анна – не исключение.

Честно говоря, все, что связано с детьми, – это сплошной сюрприз. Обычно люди жалуются, что первый год брака самый трудный, но только не для нас с Джейн. И седьмой год, переломный для многих пар, мы тоже пережили благополучно.

Для нас самым нелегким временем (не считая, конечно, последних нескольких лет) оказались годы, последовавшие за рождением детей. Некоторые люди, особенно бездетные, представляют себе этот период, точь-в-точь как изображено на открытках, с розовыми пухлыми младенцами и счастливыми родителями. А Джейн до сих пор называет его ненавистным. Иронически, разумеется, но все-таки сомневаюсь, что она согласилась бы пережить это еще раз.

Ненавистный – потому что были дни, когда Джейн ненавидела буквально всех и вся. Она ненавидела свою фигуру. Ненавидела женщин, у которых не болела грудь и которые по-прежнему влезали в старые платья. Ненавидела свою кожу, сделавшуюся жирной, и прыщи, появившиеся у нее впервые со времен отрочества. Но сильнее всего Джейн раздражали, во-первых, недостаток сна, а во-вторых, как следствие, рассказы других матерей, чьи новорожденные дети спокойно спали ночами. Фактически она ненавидела всех, у кого была возможность проспать более трех часов подряд, и порой даже меня, как непосредственного виновника событий. В конце концов, я не кормил грудью и после долгого рабочего дня просто не имел иного выбора, кроме как отсыпаться в комнате для гостей, чтобы наутро вновь приступить к каким-то осмысленным действиям. Я уверен, что рассудком Джейн прекрасно все понимала, хотя порой вела она себя с точностью до наоборот.

– Доброе утро, – говорил я, когда жена, пошатываясь, заходила на кухню. – Как дела? Вместо ответа она нетерпеливо тянулась за кофейником и вздыхала.

– Опять не выспалась? – наугад спрашивал я.

– Ты бы и недели не протянул.

И тут, словно услышав наши слова, ребенок начинал реветь. Джейн, скрипя зубами, проглатывала свой кофе. Судя по всему, она искренне недоумевала, отчего Господь Бог послал ей такое испытание.

Со временем я понял, что лучше вообще ничего не говорить.

Несомненно, ребенок переворачивает представление о браке. Вы не просто муж и жена, вы отец и мать. Отныне никаких необдуманных действий. Поужинать в ресторане? Сначала попросим родителей посидеть с малышом или найдем няню. В кино идет новый фильм? Что вы, мы уже год нигде не бываем. Выходные за городом? Мы об этом даже не думали. Нет времени на прогулки, разговоры. На все то, что сближает людей. Нам обоим было нелегко.

Не хочу сказать, что первый год жизни ребенка – сплошной кошмар. Когда меня спрашивают, каково быть родителем, я отвечаю, что это одно из самых нелегких испытаний, но взамен ты учишься любить. Все, что делает ребенок, кажется родителям величайшим чудом. Я помню первую улыбку каждого из моих детей; я хлопал в ладоши, когда они делали свои первые шаги, а Джейн плакала от переполнявших ее эмоций. Нет ничего приятнее, чем держать спящего малыша на руках и удивляться, насколько сильна твоя любовь. Все это моменты, которые я до сих пор вспоминаю в мельчайших подробностях, тогда как трудности (конечно, мне-то легко говорить) превратились в далекие, расплывчатые образы, больше похожие на сон, чем на реальность.

Ничто не сравнится со счастьем, которое испытывают родители, глядя на детей. И, невзирая на все проблемы, с которыми мы столкнулись, я воистину счастлив. Хоть и готов при этом к любым сюрпризам.

* * *

Услышав слова Анны, Джейн с радостным возгласом вскочила с кушетки и немедленно обняла дочь. Мы с женой ничего не имели против Кита. Когда я поздравил Анну, та загадочно улыбнулась.

– Милая, это просто потрясающе, – твердила Джейн. – Когда он сделал тебе предложение? Как? Расскажи! Покажи кольцо!

Когда первая волна схлынула, Анна покачала головой, и Джейн помрачнела.

– Нет-нет, особых торжеств не будет, мама. Мы уже давно живем вместе и не хотим раздувать из мухи слона.

Ее слова меня не удивили. Анна, как я уже говорил, всегда поступала по-своему.

– О... – произнесла Джейн.

Анна взяла ее за руку.

– Есть еще кое-что, мама. Это важно.

Дочь устало взглянула на меня.

– Ну... вы ведь знаете, как дела у дедушки. – Мы молча кивнули. Как и все мои дети, Анна обожала Ноя. – Этот удар и все такое... Кит был просто счастлив, когда познакомился с ним, а я люблю дедушку больше всех на свете...

Она помолчала. Джейн стиснула ей руку, вынуждая продолжать.

– Мы хотим пожениться, пока дедушка еще жив. Ведь никто не знает, сколько ему осталось... Мы с Китом обсудили возможные даты. А поскольку через две недели он уезжает в Университет Дьюка, и я тоже переезжаю, и дедушка нездоров... короче говоря, мы подумали, что вы не будете против, если... – Она замолчала, глядя на Джейн.

– Что? – прошептала та.

Анна выдохнула.

– Мы решили пожениться в следующую субботу.

Джейн удивленно приоткрыла рот. Анна продолжала, явно намереваясь договорить прежде, чем мы успеем вмешаться:

– Я знаю, что у вас юбилей, и, разумеется, не стану спорить, если вы скажете «нет», но мы с Китом подумали, что это отличный способ поблагодарить вас обоих. За все, что вы сделали друг для друга. За все, что вы сделали для меня. Мы не станем устраивать пышную церемонию, просто распишемся и поужинаем с вами. Не нужно никаких подарков, ничего такого. Вы не против?

Глядя на лицо Анны, я понял, каким будет ответ.

Глава 3

Наш период помолвки тоже был недолгим. Окончив колледж, я начал работать у «Эмбри и Саксона». Джошуа Тандл в те годы еще не входил в число партнеров. Он, как и я, был младшим компаньоном, и наши кабинеты располагались напротив. Будучи родом из Поллоксвилла, маленькой деревушки в двадцати милях к югу от Нью-Берна, Тандл поступил в Университет Восточной Каролины и частенько допытывался, как мне живется в провинции. Вынужден признать, я вовсе не так рисовал себе свою карьеру. Участь в колледже, я всегда предполагал, что буду работать в мегаполисе, как и мои родители, но в итоге обосновался в Нью-Берне, где выросла Джейн.

Я переехал сюда из-за нее и никогда не сожалел об этом. В Нью-Берне нет университета или большого парка, но его красота с лихвой искупает все недостатки. Он расположен в девяноста милях от Роли на равнине посреди сосновых лесов и неторопливых широких рек. Солоноватые воды Ньюз-Ривер, омывающие городские окраины, меняют цвет чуть ли не ежечасно, становясь серыми на рассвете, голубыми в полдень и коричневыми на закате. А ночью река угольно-черная.

Мой офис находится в историческом центре города, и после ланча я иногда прогуливаюсь по старым улочкам. Нью-Берн был основан в 1710 году выходцами из Швейцарии и Италии, это второй из старейших городов Северной Каролины. Когда я только переехал сюда, большинство старинных зданий стояли заброшенными и обветшавшими. За последние тридцать лет ситуация изменилась. Один за другим новые хозяева начали возвращать домам былую славу, и теперь прогулка по городу заставляет меня уверовать в чудеса реставрации. Знатки архитектуры заметят стекла ручной работы, антикварные латунные украшения на дверях, резные панели, полы из ели. На узкие улочки выходят изящные крылечки, напоминая о тех временах, когда по вечерам люди усаживались на них подышать свежим воздухом. Дубы и кизил отбрасывают густую тень, каждую весну расцветают тысячи азалий. Короче говоря, это одно из самых прекрасных мест, которые мне только доводилось видеть.

Джейн выросла в предместье Нью-Берна, в старой усадьбе, построенной около двухсот лет назад. Ной отреставрировал дом вскоре после войны с присущим ему тщанием, и здание, подобно многим историческим постройкам города, выглядело грандиозно.

Иногда я бываю в старом доме – захожу после работы или по пути в магазин, а порой отправляюсь туда специально. Джейн не знает про эти посещения. Конечно, она бы все равно не стала возражать, но есть особое удовольствие в том, чтобы наносить визиты в одиночку. В таких случаях я чувствую себя членом тайного общества – ведь у всех, включая Джейн, есть свои секреты. Время от времени я гадаю, каковы они.

О моих посещениях знает лишь одна живая душа. Харви Уэллингтон, пожилой афроамериканец, который живет в маленьком дощатом домике по соседству. Его семья обитала там еще в конце прошлого века. Он – священник в местной баптистской церкви. Харви всегда дружил с Джейн и ее родителями, но с тех пор как Элли и Ной перебрались в Крик-Сайд, наше общение свелось к ежегодному обмену поздравительными открытками на Рождество. Приходя сюда, я частенько замечаю, как он стоит на ветхом крылечке, но одному Богу известно, о чем Харви думает, видя меня.

Я редко захожу в дом. Он заколочен с тех пор, как Элли и Ной уехали, вся мебель накрыта чехлами и выглядит удручающе. Я предпочитаю погулять вокруг – бреду по гравийной дорожке вдоль забора, затем огибаю дом и выхожу к реке. Река в этом месте сужается; когда вода спокойна, ее гладь напоминает зеркало, отражающее небеса. Иногда я стою на пристани, любуюсь отражением неба и слушаю, как ветер тихонько шелестит в листве.

Я оказался неподалеку от шпалер, которые Ной выстроил после свадьбы. Элли всегда любила цветы, и Ной посадил вокруг фонтана целый розовый сад в форме сердец, которые хорошо было видно из окна спальни. Еще он установил несколько фонарей, которые подсвечивали цветы в темноте, – эффект получился потрясающий. Пройдя под резными шпалерами, можно было попасть в сад, а поскольку Элли была художницей, сад нередко появлялся на ее полотнах – картинах, которые отчего-то всегда несли на себе отпечаток грусти, невзирая на красоту. Теперь розарий одичал и зарос, шпалеры потрескались, но я по-прежнему был глубоко растроган, попав сюда. Ной вложил массу сил в то, чтобы сделать сад, как и дом, уникальным. Я нередко дотрагивался до резьбы или просто смотрел на розы, надеясь проникнуться талантом, который был мне недоступен.

Это место мне дорого, потому я прихожу сюда. Именно здесь я впервые понял, что люблю Джейн. Моя жизнь обрела смысл благодаря ей, но, вынужден признать, я до сих пор удивляюсь, как такое могло случиться.

Разумеется, я не собирался влюбиться в Джейн, когда провожал ее до машины в тот дождливый день 1971 года. Мы были едва знакомы, но, стоя под зонтиком и наблюдая за тем, как она уезжает, я вдруг почувствовал, что хочу увидеть девушку снова. Много позже, сидя вечером за книгами, я слышал, как ее слова эхом отдаются в голове: «Ничего страшного, Уилсон. Мне нравятся застенчивые».

Не в силах сосредоточиться, я отложил книгу и встал из-за стола. Я убеждал себя, что у меня нет ни времени, ни желания завязывать роман. Пошагав по комнате и вспомнив о своем безумном расписании (а также о стремлении быть финансово независимым), я решил больше не ходить в это кафе и выбросить из головы мысли о Джейн. Это было непростое решение, но верное, как показалось мне тогда.

На следующей неделе я занимался в библиотеке, но сказать, что я не виделся с Джейн, было бы неправдой. Каждый вечер я воскрешал в памяти нашу короткую встречу. Ее волосы, ниспадающие на плечи, певучий акцент, терпеливый взгляд. Чем усерднее я заставлял себя не думать о ней, тем навязчивее становились образы. Я понял, что не выдержу еще одну неделю, и утром в субботу решительно достал ключи от машины.

В кафе я ехал без намерения пригласить Джейн на свидание. Скорее, собирался доказать самому себе, что это – минутное увлечение. Она самая обыкновенная девушка, твердил я, стоит мне увидеть ее еще раз, как я сам это пойму. Я уже почти поверил в это, когда остановился перед входом.

Как обычно, кафе было переполнено, и я долго лавировал в толпе, прежде чем добрался до своего излюбленного места. Столик недавно протерли, и мне пришлось промокнуть его салфеткой, а потом открыть книгу.

Я погрузился в чтение и, услышав шаги, склонил голову. Я делал вид, что ничего не замечаю, пока официантка не остановилась у столика. Когда я поднял глаза, то обнаружил, что это не Джейн. Передо мной стояла женщина лет сорока с блокнотом в кармане передника и карандашом за ухом.

– Кофе? – спросила официантка. В ее действиях была уверенность, характерная для человека, проработавшего здесь много лет. Интересно, отчего раньше я ее не видел.

– Да, пожалуйста.

– Минуту, – бодро прочирикала она, оставляя на столике меню.

Как только она отвернулась, я огляделся и заметил Джейн, которая несла тарелки в дальний конец кафе. Я наблюдал за девушкой несколько секунд, гадая, знает ли она, что я здесь, но Джейн всецело была поглощена работой и даже не смотрела в мою сторону. В тот момент мне показалось, что она какая-то особенная, и я облегченно вздохнул, поверив, что избавился от странного наваждения, которое так долго не давало мне покоя.

Принесли кофе. Увлечшись книгой, я успел прочесть с полстраницы, когда услышал знакомый голос:

– Привет, Уилсон.

Джейн улыбнулась, когда я взглянул на нее.

– А в прошлую субботу тебя не было, – запросто сказала она. – Я уж подумала, что ты испугался.

Я вздохнул, не в силах ответить. Она была еще красивее, чем помнилось мне. Не знаю, сколько времени я глазел на нее, не произнося ни слова, видимо, достаточно долго, потому что на лице Джейн отразилась тревога.

– Уилсон, ты в порядке?

– Да, – сказал я. Удивительно, но лучшего ответа я не сумел придумать в тот момент.

Она с озадаченным видом кивнула:

– Ну... ладно. Прости, я не заметила, как ты вошел. Ты вроде как мой постоянный клиент.

– Да, – повторил я, прекрасно понимая, что в моем ответе мало смысла. Просто это было единственное слово, которое я мог произнести в ее присутствии.

Джейн подождала, ожидая продолжения, но тщетно, и по ее лицу проскользнула тень разочарования.

– Вижу, ты занят, – наконец сказала она, указывая на книгу. – Я всего лишь хотела поздороваться и поблагодарить за то, что проводил до машины. Приятного аппетита.

Она уже собиралась уходить, когда я наконец стряхнул с себя оцепенение и выдавил:

– Джейн...

– Что?

Я поперхнулся от волнения.

– Ты не против, если я как-нибудь еще разок провожу тебя до машины? Даже если дождя не будет?

Она несколько секунд молча смотрела на меня.

– Я буду рада, Уилсон.

– Может быть, сегодня?

Джейн улыбнулась:

– Конечно.

Она развернулась, и я вновь позвал:

– Джейн...

Она взглянула через плечо:

– Что?

Наконец осознав истинную причину своего прихода, я обеими руками вцепился в книгу, как будто надеялся почерпнуть из нее силы.

– Может, поужинаем в выходные?

Джейн, кажется, изрядно позабавила моя нерешительность.

– Да, Уилсон, – ответил она. – С удовольствием.

Трудно поверить, что тридцать лет спустя мы сидим и обсуждаем предстоящую свадьбу дочери.

Условие, высказанное Анной, – сыграть свадьбу было встречено дружным молчанием. Джейн поначалу замерла как громом пораженная, а затем, собравшись с мыслями, принялась качать головой и энергично твердить:

– Нет-нет-нет...

Если подумать, реакция была довольно закономерная. Настал один из самых счастливых моментов жизни матери – ее дочь выходит замуж. Все начинает вращаться исключи-

тельно вокруг предстоящего важного события; естественно, матери имеют четкие представления о том, каким должен быть этот день. Идеи Анны явно противоречили тому, о чем мечтала Джейн, и, хотя это была не ее свадьба, моя жена не могла отказаться от иллюзий – все равно что отказаться от собственного прошлого.

Джейн не возражала против того, чтобы свадьба состоялась в день нашей годовщины – она как никто другой знала состояние Ноя, – но то, что Анна и Кит решили пренебречь традиционным церковным обрядом, ей явно не понравилось. Не радовал Джейн и тот факт, что Анна настаивала на самом скромном празднестве. В любом случае на приготовления оставалось лишь восемь дней.

Я не проронил ни слова, а переговоры шли полным ходом.

– А как же Слоуны? – удивлялась Джейн. – Они страшно огорчатся, если их не пригласить. А Джон Петерсон? Он же столько лет учил тебя играть на фортепиано и всегда тебе нравился.

– Не понимаю, зачем устраивать большое торжество, – не соглашалась Анна. – Мы с Китом давно живем вместе. Все к нам относятся так, как будто мы уже женаты.

– А фотограф? Неужели вам не хочется фотографий на память?

– Все гости наверняка придут с фотоаппаратами, – возражала дочь. – Ну или займись этим сама. За столько лет ты, полагаю, набила руку.

Джейн качала головой и пыталась убедить Анну, что это самый важный день в ее жизни. Та отвечала, что в любом случае свадьба остается свадьбой. До ссоры, конечно, было далеко, но дело явно зашло в тупик.

В подобных вопросах я обычно разделяю мнение Джейн, особенно когда речь заходит о дочерях, но на этот раз мне было что добавить и от себя. Я вмешался:

– Давайте пойдем на компромисс!

Анна и Джейн с интересом взглянули на меня.

– Я понимаю, что вы условились насчет следующей недели, – сказал я, – но, может быть, мы все же позовем нескольких гостей, не считая членов семьи, и поможем вам с Китом все устроить?

– Не знаю, хватит ли нам времени... – начала Анна.

– Может быть, мы хотя бы попытаемся?

Переговоры продолжались еще час, но в конце концов мы достигли согласия. Анна стала поразительно уступчивой, как только я вмешался в разговор. Она сказала, что знает одного священника, который охотно обвенчает их в следующую субботу. Джейн буквально засияла от счастья, услышав обещание дочери обвенчаться.

Тем временем я размышлял не только о предстоящей свадьбе Анны, но и о нашей тридцатой годовщине. Дата, которую я надеялся сделать памятной. И свадьба, которая состоится в тот же день... Я ясно сознавал, какое из двух событий для меня значительнее.

Дом, в котором мы с Джейн живем, выходит на реку Трент. В этом месте она достигает почти полумили в ширину. Вечером, сидя за столом в кабинете, я наблюдаю за тем, как лунный свет отражается в волнах. Иногда в зависимости от погоды вода кажется одушевленной.

В отличие от дома Ноя у нашего нет большой террасы. Его построили в те годы, когда кондиционер и телевизор заперли людей в четырех стенах. Когда мы впервые обошли дом, Джейн выглянула из окна и решила, что пусть у нас по крайней мере будет веранда. Это была первая из многочисленных перестроек, благодаря которым в конце концов наш дом стал уютным.

Помню, в день отъезда Анны Джейн долго сидела на кушетке, рассеянно глядя ей вслед. Я не в силах был разгадать выражение ее лица, но, прежде чем я успел спросить, о чем она думает, жена вдруг встала и вышла. Понимая, что вечер принес нам обоим много сюр-

призов, я отправился на кухню и открыл бутылку вина. Джейн не любила алкоголь, но порой не отказывалась от бокала хорошего вина, и я решил, что сегодня именно такой случай.

С бокалом в руке я вышел на веранду. В ночи эхом отдавались кваканье лягушек и треск сверчков. Луна еще не показалась, и на противоположном берегу реки поблескивали желтые огоньки в окнах домов. Поднялся ветер, и до меня донеслись отдаленные звуки садового колокольчика, который подарила нам Лесли на прошлое Рождество.

Не считая этого, кругом царил тишина. В слабом свете, озарявшем крыльцо, профиль Джейн напоминал греческую статую, и я снова поразился тому, что она совсем не изменилась за все эти годы. Разглядывая ее высокие скулы и полные губы, я возблагодарил Бога за то, что наши дочери похожи больше на мать, чем на меня. Теперь, когда одна из них собиралась замуж, я ожидал, что Джейн будет буквально лучиться счастьем. Приблизившись к ней, я с испугом заметил, что жена плачет.

Я помедлил, гадая, стоит ли подходить к ней. Но не успел я удалиться, Джейн, видимо, почувствовала мое присутствие и взглянула через плечо.

– А, это ты, – сказала она, шмыгая носом.

– С тобой все в порядке? – нежно спросил я.

– Да. – Она помолчала, потом покачала головой: – То есть нет. Сама не знаю.

Я придвинулся и поставил бокал на перила. В темноте вино походило на масло.

– Спасибо, – поблагодарила Джейн. Сделав глоток, она тяжело вздохнула и посмотрела на воду. – Как это похоже на Анну, – наконец произнесла она. – Наверное, мне не следовало бы удивляться, но все же...

Она не договорила и отставила бокал.

– А я думал, тебе нравится Кит, – сказал я.

– Да. – Джейн кивнула. – Но неделя на подготовку к свадьбе? Понятия не имею, что у нее в голове. Если Анна способна на такое, то удивительно, почему они с Китом вообще не сбежали, чтобы тайно пожениться.

– Ты бы предпочла, чтобы они поступили именно так?

– Нет. Я была бы страшно недовольна.

Я улыбнулся. Джейн всегда говорила правду.

– У нас столько дел, – продолжала она, – и я даже не представляю, как мы справимся. Я, конечно, не настаиваю, что свадьба должна пройти в ресторане «Плаза», но все-таки она могла бы позвать фотографа и нескольких подруг.

– Анна так и не согласилась?

Джейн говорила, тщательно подбирая слова:

– Кажется, она не осознает, что память об этом дне останется с ней на всю жизнь. Анна ведет себя так, словно это весьма заурядное событие.

– Она всегда будет помнить этот день, вне зависимости от того, как он пройдет, – мягко возразил я.

Джейн закрыла глаза.

– Ты не понимаешь, – устало сказала она.

Несмотря на то что жена не произнесла больше ни слова, я прекрасно понял, что она хотела донести до меня.

Проще говоря, Джейн не желала, чтобы дочь повторила ее ошибку.

Жена всегда грустила, когда вспоминала день нашей свадьбы, и я понимал, что это целиком моя вина. Наша свадьба прошла так, как хотелось мне, и, хотя я отнюдь не снимаю с себя ответственности, на мое решение в значительной степени повлияли родители.

Они, как это ни странно для южан, были атеистами и воспитали меня в соответствующем духе. В детстве церковь и таинственные ритуалы, о которых я читал, пробуждали мое

любопытство, но в нашем доме вопросы веры никогда не обсуждались. На самом деле я понимал, что отличаюсь от соседских ребяташек, но особенно на эти темы не размышлял.

Теперь я думаю иначе и считаю величайшим счастьем, что мне дано было уверовать в Бога. Надо признать, в прошлом я всегда ощущал, что в моей жизни чего-то недостает. Годы, проведенные с Джейн, подтвердили это. Как и ее родители, Джейн искренне верила в Бога, именно она отвела меня в церковь и торопливо отвечала на главные вопросы, которые не давали мне покоя. Еще жена купила Библию, которую мы вместе читали по вечерам.

Впрочем, все это случилось лишь после свадьбы.

Если на ранней стадии наших отношений между нами и возникали разногласия, то только из-за моего атеизма. Несомненно, порой Джейн задавалась вопросом, сумеем ли мы поладить. По ее словам, если бы она не была уверена, что рано или поздно я признаю Христа, то не вышла бы за меня замуж. И теперь слова Анны воскресили в Джейн неприятные воспоминания – недостаток веры вынудил нас сочетаться гражданским браком. Тогда я был убежден, что венчаться в церкви, не веря в Бога, – лицемерие.

Была и еще одна причина, по которой нас обвенчал мировой судья, а не священник, – моя гордость. Я противился тому, чтобы родители Джейн оплачивали традиционные свадебные расходы, хотя они сами предложили это сделать. Теперь, сам будучи родителем, я понимаю, что это был подарок, но в те годы я свято верил, что каждый должен платить за себя. Если я не в состоянии позволить себе роскошное празднество, значит, его у меня не будет.

Да, я не мог устроить богатый прием. Я только поступил на работу в фирме и изо всех сил старался сколотить достаточную сумму, чтобы купить в рассрочку дом. Замечу, мы приобрели собственное жилье спустя девять месяцев после свадьбы, и теперь я сомневаюсь, что подобные жертвы были оправданы. Экономия, как выяснилось, дается нелегкой ценой. И ее последствия порой длятся вечно.

Нас сочетали браком за десять минут, без единой молитвы. Я пришел в темно-сером костюме, Джейн – в легком желтом платье, с гладиолусом в прическе. Ее родители наблюдали за нами со ступенек, они благословили нас поцелуем и рукопожатием. Выходные мы провели в старинном отеле в Бофоре, и, хотя Джейн безумно понравилась антикварная кровать с балдахином, на которой прошла наша первая брачная ночь, на следующий же день нам пришлось вернуться – в понедельник я должен был приступить к работе.

Отнюдь не о такой свадьбе Джейн мечтала с детства. Теперь-то я знаю. И она пыталась внушить это Анне. Улыбающаяся, счастливая невеста в красивом платье, которую ведет алтарю отец; священник, совершающий традиционный обряд; семья и лучшие друзья. Званый ужин с тортом и цветами и молодые, принимающие поздравления от родных и близких. Музыка, под которую невеста танцует сначала с мужем, а потом с отцом, пока другие смотрят на нее со слезами радости.

Вот чего хотела Джейн.

Глава 4

Утром в субботу, на следующий день после визита Анны, солнце уже пекло всюду, когда я приехал в Крик-Сайд. Как и в большинстве южных городов, в августе в Нью-Берне замедляется течение жизни. Водители ездят осторожнее, красный свет на светофорах горит дольше, чем обычно, а пешеходы затрачивают лишь необходимый минимум энергии, как будто участвуют в соревнованиях по медленной ходьбе.

Джейн и Анна уже уехали. Вчера вечером жена расположилась на кухне и начала составлять список дел. Хотя она прекрасно понимала, что не успеет сделать все, перечень занял три страницы и был расписан по минутам.

Джейн всегда любила планировать. Она немедленно вызывалась помочь, будь то сбор средств для бойскаутов или организация благотворительной лотереи. Пусть даже порой у нее голова шла кругом (не забывайте, у Джейн на руках было трое детей), она никогда не отступала от намеченного плана. Памятуя о том, как утомительна такого рода деятельность, я решил на предстоящей неделе как можно реже требовать к себе внимания.

Двор Крик-Сайда был украшен живыми изгородями и кустами азалий. Миновав здание (я был уверен, что Ной на улице), я прошел по извилистой гравийной дорожке к пруду. Заметив старика, я покачал головой: тот надел свой любимый синий кардиган, невзирая на жару. Только Ной мог мерзнуть в такой день.

Он закончил кормить лебедя, и тот по-прежнему описывал перед ним круги. Подойдя, я услышал, как Ной разговаривает с птицей. Слов было не разобрать, но лебедь, видимо, полностью ему доверял. Ной рассказывал, что иногда лебедь устраивается на земле у его ног, правда, сам я этого никогда не видел.

– Здравствуйте, Ной, – сказал я.

Он с заметным усилием обернулся.

– Привет, Уилсон. Спасибо, что заглянул.

– Как поживаете?

– Могло быть и лучше. Хотя, конечно, могло быть и хуже.

Несмотря на частые посещения, Крик-Сайд наводил на меня тоску – здесь доживали всеми забытые люди. Врачи и сиделки твердили, что Ною повезло – его то и дело навещают, тогда как большинство постояльцев проводят целые дни перед телевизором в надежде спастись от одиночества. По вечерам Ной читал соседям стихи. Он очень любил Уолта Уитмена, и на скамейке рядом с ним лежали «Листья травы». Он редко выходил без этой книги; мы с Джейн когда-то читали ее и удивлялись, отчего Ной находит стихи Уитмена исполненными столь глубокого смысла.

Глядя на него, я вновь был поражен тем, как грустно наблюдать за постепенным старением и угасанием некогда жизнерадостного и активного человека. Раньше я почти не задумывался об этом, но теперь, слыша его затрудненное дыхание, перед моим мысленным взором предстал старый аккордеон. Ной не владел левой рукой – последствия удара, который он пережил весной. Он сдавал – и, кажется, сам понимал, что конец близок.

Он смотрел на лебедя; проследив его взгляд, я увидел знакомое черное пятнышко на груди птицы, похожее на родинку или угольную отметину, словно природа попыталась испортить совершенство. В теплое время года на пруду обитало до десятка лебедей. Но только этот никогда не улетал. Я видел, как он плавает здесь даже зимой, когда все остальные давно отправились на юг. Ной однажды объяснил мне, почему лебедь не улетает, и, в частности, поэтому врачи сочли, что у старика галлюцинации.

Сев рядом с ним, я рассказал все, что случилось накануне. Когда я закончил, Ной взглянул на меня с легкой усмешкой.

– Джейн удивилась? – спросил он.

– А кто бы не удивился?

– Она хочет, чтобы все было как положено?

– Именно, – ответил я и рассказал ему о планах, которые она строила, сидя за кухонным столом, а затем изложил свои соображения – то, что, на мой взгляд, Джейн упустила.

Ной похлопал меня по колену здоровой рукой как бы в знак одобрения.

– Как там Анна? – спросил он.

– У нее все хорошо. Сомневаюсь, что реакция Джейн ее удивила.

– А Кит?

– Тоже нормально. По крайней мере если верить Анне.

Ной кивнул:

– Эти двое – отличная пара, вот что. Совсем как мы с Элли. У них золотое сердце.

Я улыбнулся.

– Непременно передам Анне. Она будет счастлива это услышать.

Мы сидели молча, а потом Ной указал на воду:

– Ты знаешь, что лебеди выбирают себе пару раз и навсегда?

– Я думал, это легенда.

– Это истинная правда. Элли всегда говорила, что ничего прекраснее ей слышать не доводилось. Значит, любовь сильнее всего на свете. До того как выйти за меня, она была обручена с другим. Ты ведь знаешь?

Я кивнул.

– Она пришла навестить меня, не сказав жениху, я посадил ее в каноэ и отвез в одно местечко, где были тысячи лебедей. Как будто на воде лежал снег. Я тебе об этом рассказывал?

Я снова кивнул. Картина вставала передо мной во всех подробностях. И Джейн неизменно вспоминала эту историю с умилением.

– Они больше туда не возвращались, – пробормотал Ной. – Несколько лебедей так и остались на пруду, но второго такого раза не было. – Он погрузился в собственные мысли и ненадолго замолчал. – Элли все равно любила там бывать. Она кормила оставшихся лебедей, находила парочки и показывала их мне. «Вот этот и вон тот, – говорила она. – Разве не удивительно, что они вместе навсегда?» – Ной ухмыльнулся, и на его лице появились морщины. – Наверное, таким образом она убеждала меня хранить верность.

– Сомневаюсь, что ей приходилось об этом беспокоиться.

– Да?

– Полагаю, вы с Элли слишком много значили друг для друга.

Ной грустно улыбнулся.

– Да, – наконец сказал он. – Конечно. Но нам пришлось приложить немало усилий. Были и нелегкие времена.

Видимо, он имел в виду болезнь Элли. А задолго до того – смерть одного из детей. Случались и другие беды, конечно, но об этих ему было особенно трудно говорить.

– Послушать вас, так все проще некуда, – возразил я.

Ной покачал головой:

– Нет. Не всегда. Письма, которые я писал Элли, были призваны напомнить ей не только о моих чувствах, но и о клятве, которую мы когда-то дали друг другу.

Я задумался, не пытается ли он намекнуть мне, что нужно сделать то же самое для Джейн, но спрашивать не стал. Я просто сменил тему:

– Было ли вам с Элли трудно после того, как дети выросли и уехали?

Ной ненадолго задумался.

– Вряд ли трудно. Скорее, все просто стало по-другому.

– Как?

– Во-первых, тихо. Очень тихо. Элли рисовала, а я целыми днями бродил по дому. Даже начал разговаривать сам с собой – от одиночества.

– А как Элли переживала то, что дети уехали?

– Как и я, – ответил Ной. – По крайней мере поначалу. Дети долгое время были смыслом нашей жизни. Поэтому когда положение вещей меняется, к этому надо привыкнуть. И когда Элли привыкла, то, кажется, начала наслаждаться тем, что мы снова одни.

– И сколько времени у нее ушло?

– Не знаю. Недели две, быть может.

Я слегка приуныл. Две недели?

Ной, кажется, заметил выражение моего лица и откашлялся.

– Хотя, если подумать, – сказал он, – то даже еще быстрее. Наверное, через два-три дня она уже совершенно пришла в норму.

Два-три дня? Я не смог ему ответить.

Ной почесал подбородок.

– Впрочем, если мне не изменяет память, – продолжал он, – то даже двух-трех дней не понадобилось. Честно говоря, мы отплясывали джиттербаг на лужайке перед домом, едва успев погрузить вещи Дэвида в машину. Признаюсь, первые несколько минут нам было нелегко. Очень нелегко. Иногда я прямо-таки удивляюсь, как мы вообще это пережили.

Хотя Ной оставался абсолютно серьезен во время своей речи, я различил лукавый проблеск в его глазах.

– Джиттербаг? – уточнил я.

– Такой танец.

– Я знаю.

– Он был очень популярен.

– Да, когда-то.

– Что? Сейчас не танцуют джиттербаг?

– Это забытое искусство, Ной.

Он легонько ткнул меня локтем:

– Что, попался?

– Да, – признал я.

Ной подмигнул. Несколько секунд он сидел молча, явно довольный собой. Затем, вспомнив, что я так и не получил ответа на свой вопрос, Ной поерзал и тяжело вздохнул.

– Нам обоим было трудно, Уилсон. К тому времени они уже были не только нашими детьми, но и друзьями. Мы оба скучали и не знали, что делать.

– Вы никогда об этом не говорили.

– А ты никогда и не спрашивал, – заметил Ной. – Я скучал по детям, но сильнее всего из нас двоих, полагаю, скучала Элли. Она могла быть художником, кем угодно, но в первую очередь она была матерью. Когда дети уехали, она будто засомневалась, где теперь ее место в мире. По крайней мере поначалу.

Я попытался вообразить ее состояние, но не сумел. Такой Элли я не знал и даже не мог себе представить.

– Почему? – спросил я.

Вместо ответа Ной окинул меня взглядом и замолчал.

– Я рассказывал тебе о Гасе? – наконец спросил он. – Он навещал меня, когда я ремонтировал дом.

Я кивнул. Гас был родственником Харви, чернокожего священника, которого я частенько видел, когда заезжал в старый дом.

– Старина Гас обожал всякие небылицы – чем смешнее, чем лучше. Иногда мы сидели на крыльце по вечерам и придумывали бог весть что, лишь бы повеселить друг друга. Знаешь, какая байка была моей любимой? Для начала надобно тебе знать, что Гас полвека прожил со своей женой и у них было восемь детей. Эта пара прошла огонь и воду. Так вот, болтаем мы до глубокой ночи, а потом Гас говорит: «Сейчас я тебе кое-что скажу». И представь, смотрит он мне в глаза с самым серьезным видом и заявляет: «Ной, я понимаю женщин».

Ной захихикал, как будто услышал это впервые в жизни.

– Вся соль в том, – продолжал он, – что нет на свете мужчины, который мог бы этим похвастать, не покривив душой. Понять женщин просто невозможно, так что не стоит и пытаться. Но это не значит, что их не нужно любить. Не значит, что ты не должен изо всех сил показывать им, как они для тебя важны.

Размышляя над словами Ноя, я смотрел на лебедя, который то расправлял, то складывал крылья. Именно в таком духе Ной всегда в последнее время говорил со мной о Джейн. Он ни разу не дал внятного совета, ни разу не сказал, что именно делать. И в то же время он прекрасно понимал, что я нуждаюсь в поддержке.

– Наверное, Джейн хочет, чтобы я походил на вас, – предположил я.

Ной снова усмехнулся:

– А ты молодец, Уилсон. Просто молодец.

Не считая тиканья настенных часов и ровного гула кондиционера, в доме царил тишина. Положив ключи на стол в гостиной, я окинул взглядом каминные полки. На них за годы семейной жизни накопилось множество фотографий в рамках: мы впятером в джинсах и синих рубашках пару лет назад; пляж у Форт-Мейкон, когда дети были подростками; еще один групповой снимок, на котором они совсем маленькие. Фотографии, сделанные Джейн: Анна на выпускном балу, Лесли в спортивной форме, Джозеф с нашей собакой, Сэнди (она умерла несколько лет назад). Хотя снимки располагались не в хронологическом порядке, можно было проследить, как наша семья росла и менялась с годами.

В центре, прямо над камином, стояла черно-белая фотография – мы с Джейн в день свадьбы. Снимок сделала Элли. В фотогеничности Джейн не приходилось сомневаться: она всегда была красавицей, а ко мне объектив оказался милосерден. Именно так я и надеялся выглядеть, стоя рядом с женой.

Но как ни странно, на полках больше не было ни одного снимка, где мы были бы вдвоем с Джейн. В альбомах лежали десятки снимков, сделанных детьми, но ни один из них мы так и не вставили в рамочку. В течение многих лет Джейн беспрестанно намекала, что пора сделать еще один портрет, но я настолько был занят работой и прочими делами, что так и не выполнил ее просьбу. Удивительно, отчего мы не сумели выкроить время и как это отразится на нашем будущем – и отразится ли вообще?

Разговор с Ноем заставил меня задуматься обо всех тех годах, прошедших после отъезда детей. Хорошо ли я справлялся с обязанностями супруга? Безусловно, нет. Оглядываясь назад, признаю, что после отъезда Лесли в колледж раз за разом подводил Джейн, если можно этим словом обозначить полнейшее непонимание ее чувств и желаний. Я помню, что жена была молчаливой и даже слегка мрачной, временами она смотрела невидящим взглядом в пространство или бездумно перебирала детские вещи в коробках. Для меня тот год выдался особенно нелегким: старый Эмбри пережил сердечный приступ и вынужден был переложить большую часть дел на меня. Из-за двойной нагрузки – непомерно возросшего объема работы и организационных проблем, вызванных болезнью Эмбри, – я частенько бывал измучен и слишком занят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.